Девочка, которую подключили

Джеймс Типтри

SHOUT
SHARE
IT

- Девочка, которую подключили
  -
- notes
  - 01
  - 02
  - 03

Девочка, которую подключили

Слушай ты, зомби. Верь мне. Я такое мог бы тебе рассказать – да, да, тебе, который потеет дурацкими ручонками на свой портфельчик ценных бумаг, на все эти акции быстрорастущих компаний. Один из десяти удачных взломов AT&T с двадцати резервных пойнтов, и ты думаешь, ты Страшный Нивел?[01] AT&T? Дурилка ты картонная, как бы мне хотелось тебе кое-что показать.

Говорю тебе, сюда смотри, папашка дохлый. Видишь, к примеру, ту пигалицу?

Вон там, в толпе. Она пялится на своих божков. Одна дрянная девка в городе будущего (ты не ослышался). Смотри дальше.

Она сдавлена телами, подпрыгивает, выглядывает, и душонка ее рвется из этих выпученных шаров. Люби! О, люби их! Ее боги выходят из магазина под названием «К востоку от тела». Эта троица красавцев, кровь с молоком, резвятся, как дети. Одеты потрясно! Видишь, как движутся над носовыми фильтрами великолепные глаза, как птицами вспархивают руки, как тают нечеловечески нежные губы? Толпа стонет. Любовь! Весь этот бурлящий мегагород, все это развеселое будущее без ума от своих богов.

Не веришь в богов, папаша? Погоди. Что б тебя не заводило, на все найдется в будущем свой бог – как на заказ. Слушай эту биомассу: «Я коснулась его ноги. Оу-у-у-у, я (прикоснулась) к Нему!»

Даже те, кто сидит под небесами в башне ВКК, любят богов – по-своему и из своих соображений.

А та вонючка на улице – она просто любит. Упивается их красивой жизнью, их загадочно пустыми проблемами. Никто ж не рассказывал ей о смертных, влюбленных в богов и кончивших тем, что превратились в дерево или во вздох. И за миллион лет ей в голову не придет, что ее боги могут ответить любовью на ее любовь.

А вот теперь она вдавливается в стену – это божки проходят мимо. Дорога им открыта, никто не бросается под ноги. В вышине покачивается и подпрыгивает камера голозаписи, но ее тень никогда не падает на их головы. Экраны витрин, как по волшебству, очищаются от тел, стоит божкам заглянуть в них, и нищий у них под ногами внезапно остается в одиночестве. Боги подают ему сувенир. «А-а-а!», – вздыхает толпа.

А теперь один из них выставляет всем напоказ клевые новые часики, и все трио пускается легкой рысцой, чтобы поспеть на

шаттл – совсем как простые смертные. Шаттл останавливается ради них – снова волшебство. Толпа вздыхает, смыкается. Боги исчезли.

(В помещении, удаленном, – но не отсоединенном – от башни ВКК, отключается молекулярный мультивибратор и бегут ленты бухгалтерских счетов.)

А наша девчонка все не отклеивается от стены, пока отъезжают охрана и оборудование голозаписи. Обожание сползает с ее лица. Это хорошо, потому что теперь видно: она – из безобразных мира сего. Высокий монумент гипофизарной дистрофии. Ни один хирург к ней даже не притронется. Когда она улыбается, ее скула, половину которой покрывает пурпурная экзема, едва не цепляет за левый глаз. Ей не так много лет, но кому до этого дело?

Толпа теперь тащит ее за собой, позволяя заметить ее неравномерно искривленный торс и разной длины ноги. На углу она силится послать последний спазм нежности вслед шаттлу улетающих божков. Потом ее лицо опадает до привычного ему выражения тупой боли, и, натыкаясь на прохожих, она нетвердо ступает на подвижную ленту тротуара. Лента подходит к перекрестку. Девчонка переходит с одной ленты на другую, спотыкается, врезается в аварийные перила. Наконец она выползает на маленький пятачок, называемый парком. Спортивное шоу включено, прямо над головами в разгаре трехмерный баскетбольный матч. Но все, что она делает – это мешком обваливает свое тело на скамейку и скорчивается в уголке, а возле уха у нее проносится призрачный свободный бросок.

После этого ничего не происходит, если не считать нескольких движений руки, украдкой заталкивающей что-то в рот, но это совсем не интересует ее соседей по лавке.

Но тебе любопытно, а? Ты спрашиваешь, что это за город? Такой будничный в БУДУЩЕМ?

Да ладно, здесь веселухи хватает, – и не такое уж это далекое будущее, папаша. Но пропустим пока всякие прелести НФ, вроде технологии голограммовидения, отправившей в музей радио и телики. Или всемирное высокочастотное модем-поле, отбрасываемое на планету спутниками с орбиты и контролирующее системы транспорта и связи по всему земному шарику. Поле – побочный результат разработки астероидов. Пропустим все это, мы следим за девчонкой.

Я дам тебе лишь одну подсказку. Может, ты уже заметил это в спорт-шоу или на улице? Никаких щитов и плакатов! Никакой рекламы!

Вот именно. НИКАКОЙ РЕКЛАМЫ. Глаза разуй. Оглянись по сторонам. Ни единого щита, вывески, слогана, мелодии, двадцать пятого кадра, надписи лазером по облакам, аннотации во всем этом развеселом мире. Брэндовые марки? Только в трехпенсовых диапроекторах в магазинах, да и кто назовет это рекламой. Ну, и кто ты после того?

Вот и поразмысли. Девчонка-то еще сидит.

На деле, она припарковалась прямо у подножия башни ВКК. Погляди вверх. Да нет, выше, и увидишь искры от пузыря наверху, нет еще выше, среди куполов страны богов и божков. Внутри пузыря – зал заседаний. Аккуратная бронзовая табличка на двери, – ВСЕМИРНАЯ КОРПОРАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ – не то чтобы это особо что значило.

Мне случайно известно, что в той комнате шестеро. Пятеро – формально мужчины, а шестого довольно трудно, но приходится, считать матерью. Они абсолютно ничем не примечательны. Их лица видели все на их свадьбах, эти лица покажут еще раз – на похоронах. Но ни в тот, ни в другой раз они ни на кого не произведут впечатления. Если ты ищешь тайных Вселенских Зловредов мира сего, брось это дело. Я знаю. Пресвятой дзен, уж я-то знаю. Плоть? Власть? Слава? Да их бы покорбило, услышь они такое.

Что им там наверху по нраву, так это чтобы все было аккуратненько, особенно в коммуникациях. Можно сказать, они жизнь положили на то, чтобы освободить мир от искажений. Их ночные кошмары – об информационных кровотечениях: каналы закупорены, планы недоосуществлены, искажения и мусор подступают со всех сторон. Их гигантские состояния лишь сплошные хлопоты, поскольку открывают новые горизонты хаоса. Роскошь? Они носят то, что надевают на них портные, едят то, что подают им повара. Видишь вон того старикана – его имя Ишем, – он попивает воду и морщится, слушая дата-шар. Воду прописали ему медики. Вкус у нее отвратный. А в дата-шаре проскакивает иконка с грифом «личное», а в ней – тревожные сведения о сыне Ишема, Поле.

Но пора спуститься на землю, все вниз и вниз, к нашей девчонке. Гляди!

Она кренится и – шлеп – уже растянулась на земле. Среди зевак наблюдается вялое волнение. Общий консенсус гласит: «мертва» – что девчонка, однако, опровергает, пуская пузыри. А вот сейчас ее увозит одна из превосходных машин «скорой помощи» будущего, эти – поистине не чета нашим, когда случаются поблизости.

В местной больничке обычные действия обычной бригады

клоунов. Наша девчонка оживает ровно настолько, чтобы ответить на пункты вопросника, без которого никому не дадут помереть – даже в будущем. Наконец реанимация выплевывает ее на койку в длинной темной палате.

И опять некоторое время ничего не происходит, если не считать того, что глазки у нее слегка подтекают от вполне понятного разочарования: она все еще жива.

Но где-то один из компьютеров ВКК пощекотал другой, и ближе к полуночи начинается шевеление. Сперва возникает санитар, чтобы отгородить ее койку ширмами. Потом в палате изящной походкой появляется мужик в деловой двойке. Жестом приказывает санитару стащить с нее простыню и исчезнуть.

Все еще не в себе от транков, девчонка с усилием приподнимается. Крупные руки зажимают части тела, за которые и заплатишь, лишь бы не видеть.

– Берке? Ф. Берке, так тебя зовут?

– Д-да, – хрип. – Вы... полицейский?

– Нет. Полагаю, они здесь скоро будут. Самоубийство в общественном месте уголовно наказуемо.

– Простите меня...

В руках у него сенсор-рекордер.

– Семьи нет, так?

– Да.

– Тебе семнадцать. Один год в городском колледже. Что ты изучала?

– Яз-зыки.

– Гм. Скажи что-нибудь.

Нечленораздельный скрежет.

Деловой рассматривает ее. Вблизи он не столь уж элегантен. Типичный мальчик на побегушках.

– Почему ты пыталась покончить жизнь самоубийством?

Натягивая на себя серую простыню, она смотрит на него с достоинством мертвой крысы. Надо отдать ему должное, он не переспрашивает.

– Скажи, ты видела сегодня «Дыхание»?

Мертвая крыса (что недалеко от истины) или нет, но на ее лицо рвется все та же кошмарная гримаса влюбленности. «Дыхание» – эти три юных бога, культ неудачников. Два ноль в его пользу – он распознает это выражение.

– Хотелось бы тебе с ними познакомиться?

Глаза девчонки нелепо выпучиваются.

– У меня есть работа для такой, как ты. Тяжелая работа. Если будешь хорошей девочкой, все время будешь встречать «Дыхание» и всяких таких звезд.

Он сумасшедший? Она решает, что и впрямь умерла.

– Но это значит, ты не увидишь больше никого из тех, кого знала раньше. Нигде, никогда. В глазах закона ты будешь мертва. Даже полиция ничего не узнает. Хочешь попробовать?

Все это пришлось повторять, пока вставала на место ее огромная челюсть. Покажи мне огонь, пройду через него. Наконец отпечатки Ф. Берке уже в его сенсор-рекордере, мужик поддерживает мерзкое девичье тело без малейших признаков отвращения.

А потом – ВОЛШЕБСТВО. Внезапная и безмолвная пробежка санитаров, укладывающих Ф. Берке на что-то крайне далекое от больничных носилок; гладкое скольжение, как по маслу, в чертовски роскошную «скорую помощь» – живые цветы в кашпо! – долгий и плавный переезд в никуда. А никуда – теплое, и сверкающее, и доброе нянями и медсестрами. (С чего ты взял, что деньгами не купишь истинной доброты?) И чистые облака убаюкивают Ф. Берке в дурманящий сон.

...Сон, который сливается с приемами пищи, мытьем и снова сном. Сон с переходами в дремные полуденные часы на месте полуночи. Часы, полные мягких деловитых голосов, и доброжелательных (хоть и очень немногих) лиц, и бесконечных безболезненных гипоспреев, и странного тут и там онемения. А потом наступает черед укрепляющего ритма дней и ночей, ускорения, которое Ф. Берке не распознает как выздоровление, но знает лишь, что грибовидный нарост под мышкой исчез. А потом она уже встает на ноги и со все возрастающим доверием следует за этими немногими новыми лицами – сперва неуверенно, потом уже тверже держась на ногах, – неуклюже ступая по короткому коридору на тесты, тесты, тесты и многое другое.

И вот она наша девчонка, выглядит...

Если это возможно, хуже чем раньше. (А ты что, решил, это Золушка на транзисторах?)

В ухудшении внешности повинны гнезда электродов, проглядывающие среди реденьких волос, и еще другие места сплавления металла и плоти. С другой стороны, ошейник и хребтовая пластина – действительно плюс: по такой шее тосковать не будешь.

Ф. Берке готова приступить к обучению для новой работы.

И это обучение, которое происходит в ее палате, не что иное, как курсы очарования. Как ходить, сидеть, есть, говорить, сморкаться, как спотыкаться, мочиться, икать – и все это ВОСХИТИТЕЛЬНО. Как сделать одно сморкание или пожатие плечами очаровательно, безотчетно новым, отличным от любого, что уже есть в буферном файле. Как и говорил деловой, это

тяжкий труд.

Но Ф. Берке оказывается способной. Где-то в этом ужасном теле таится газель, гурия, которая, если б не этот безумный шанс, была бы погребена на веки вечные. Смотрите, вот он, гадкий утенок!

Только та, что делает шаг, смеется, встряхивает блестящими волосами – это не совсем Ф. Берке. Ну да, Ф. Берке все это проделывает, но осуществляет она это через что-то. И у этого чего-то – все внешние данные живой девушки. (Тебя же предупреждали, это – БУДУЩЕЕ.)

Когда впервые открывают криокамеру, чтобы показать ее новое тело, она произносит лишь одно слово. Не в силах оторвать глаз и с трудом сглатывая:

– Как?

На самом деле, просто. Видишь, как Ф. Берке в своем мешке и шлепанцах ковыляет по коридору подле Джо, человека, ответственного за техническую сторону ее подготовки. Джо не пугает внешность Ф. Берке – он ее просто не заметил. На взгляд Джо – прекрасны системные матрицы.

Они проходят в полутемную комнату с огромным шкафом-камерой, похожим на сауну, и консолью для Джо. Одна стена комнаты стеклянная, но сейчас там темно. Только для твоего сведения: вся эта лавочка находится на расстоянии пятисот футов под землей возле того места, где когда-то находился Карбондейл, Пенсильвания.

Джо открывает сауну-камеру, которая теперь походит на большую поставленную вертикально раковину молюска со множеством всяких странных штучек внутри. Наша девчонка, как шелуху, сдирает рубаху и без тени смущения голой входит в камеру. С нетерпением. Она устраивается лицом вперед, всаживает электроды в гнезда. Джо осторожно закрывает дверь за горбатой спиной. Щелк. Она там ничего не видит, ничего не слышит и двигаться тоже не может. Она ненавидит эту минуту. Но как же прекрасно то, что наступает потом!

Джо уже за консолью, и за стеклянной стеной загорается свет. По ту сторону стены – комната, со всеми рюшечками и пикантными штучками, девчоночья комната. На постели небольшой холмик шелка со свисающей наружу тяжелой желтой косой.

Простыня шевелится, затем с шумом отброшена и расплющена.

На постели садится самая хорошенькая девочка, какую ты когда-либо видел. Она трепещет – ну прямо порно для ангелов. Она поднимает маленькие ручки, рывком подбрасывает вверх

волосы, в сонной неге оглядывается по сторонам. Потом она не может удержаться и проводит ладонями по своим мини-грудям и животику. Потому что, понимаешь ли, перед тобой сидит кошмарная Ф. Берке, это она обнимает свое совершенное девичье тело, глядит на тебя восхищенными глазами.

А потом котенок выпрыгивает из кровати и растягивается на полу. Из сауны в затемненной комнате доносится сдавленный шум. Ф. Берке, которая попыталась потереть прошитый проводами локоть, внезапно задыхается в двух телах, в ее мышцах дергаются электроды. Джо жонглирует поступающими сигналами, бормоча что-то в микрофон. Суматоха позади, все в порядке.

Эльф встает, бросает премиленько-сердитый взор на стеклянную стену и входит в прозрачную кабинку. Ванная, что же еще? Она – живая девочка, а живым девочкам после ночного сна надо в ванную, пусть даже их мозги и находятся в шкафу-сауне в соседней комнате. А Ф. Берке – она не в сауне, она тоже в ванной. Проще простого, если иметь особый клей для замкнутой тренировочной цепи, которая позволяет ей управлять своей нервной системой на расстоянии.

А теперь давай проясним кое-что. Ф. Берке не чувствует, что ее мозг в сауне, она чувствует себя в этом миленьком тельце. Когда ты моешь руки, ты чувствуешь, как вода попадет тебе на мозг? Конечно, нет. Ты чувствуешь воду на руках, хотя это «чувство» – на самом деле набор потенциальных сигналов, проскакивающих в электрохимическом желе у тебя меж ушей. А попали туда эти сигналы по длинным импульсным цепям от твоих рук над раковиной. Именно так мозг Ф. Берке в шкафу чувствует воду на ее руках в ванной. Тот факт, что сигналы по дороге в мозг перепрыгнули через пустое пространство, не имеет ровным счетом никакого значения. Хочешь ученого жаргона? Это называется эксцентрическая проекция или сенсорная референция, и все это ты проделывал всю свою жизнь. Ясно? Но погоди, скажешь, откуда взялась эта девочка-кукла? Ф. Берке тоже задает этот вопрос, с трудом выдавливая слова.

– Выращивают, – объясняет ей Джо. Ему плевать на отдел, занимающийся мясом. – Это – ОП, осадки плаценты. Модифицированные эмбрионы, понимаешь? Потом в них вживляют контролирующие импланты. Без Удаленного Оператора, или попросту Удаленки, они – просто овощи. Погляди на ногу – вообще никаких мозолей (он это знает, ему сказали).

– О-о, она невероятна...

– Да, недурная работенка. Хочешь, попробуем сегодня режим ходить/говорить? Ты быстро схватываешь.

И это правда. Отчеты Джо, и отчеты няни, и отчеты врача, и

стилиста уходят наверх к тому, кто хоть и называется медиком-кибертехом, на самом деле – администратор проекта. Его отчеты, в свою очередь, идут в зал заседаний ВКК? Разумеется, нет! Ты думал, это и впрямь что-то крутое? Его отчеты просто идут наверх. Дело в том, что проекту дан зеленый свет, очень зеленый. Ф. Берке далеко пойдет.

Так что кудлатый человечек – доктор Тесла – должен инициировать процедуры. Досье на маленького котенка в центральном банке данных корпорации, к примеру. Рутина чистой воды. И график поэтапного внедрения, которое выведет Дельфи на мировую сцену. Это просто: появление на пару минут во внесетевом голографическом шоу или сериале.

Потом он должен расписать событие, которое будет финансировать Дельфи, и работать на нее. А это требует совещаний по бюджету, разрешений и допусков, координации. Проект Берке начинает расти и набирать людей. И есть еще пренеприятная проблема с именем, которая всегда доводит доктора Теслу до острой боли под гривой.

Имя оказывается странным: внезапно выясняется, что "Ф" в имени Берке означает «Филадельфия». Филадельфия? Сокращения: Филли? Пала? Пути? Дельфи? Это хорошо? Плохо? Наконец с оглядкой дают дорогу «Дельфи» («Берке» уже заменено на что-то, чего никто и никогда не запомнит).

Давай за мной! Мы на официальной проверке в подземных апартаментах – самая последняя из комнат, куда распространяется тренировочная цепь. Присутствуют: кудлатый доктор Тесла, зажатый меж двумя типами из бюджетного отдела, и тихий отеческого вида человек, с которым все обращаются, как с раскаленной плазмой.

Джо распахивает дверь, и робко входит она.

Их маленькая Дельфи, пятнадцати лет – и ни одного изъяна.

Тесла представляет ее собравшимся. Она по-детски серьезна: прекрасное дитя, с которым приключилось нечто столь чудесное, что каждый может почувствовать щекотку ее восхищения. Она не улыбается, она... сияет. Эта переполняющая ее радость – все, что видно от Ф. Берке, забытого неуклюжего остова в сауне за стеной. Но Ф. Берке не знает, что она жива – это Дельфи живет каждым своим теплым сантиметром.

Один тип из бюджета издает сладострастное сопенье и в ужасе застывает. Отеческий чин по имени мистер Кэнтл прочищает горло.

– Ну, моя юная леди, ты готова отправиться на работу?

– Да, сэр, – степенно ответствует эльф.

– Посмотрим. Кто-нибудь тебе объяснил, что ты будешь для

нас делать?

– Нет, сэр. – Джо и Тесла потихоньку выдыхают.

– Хорошо. – Он оглядывает ее, пытаясь нащупать слепой мозг в соседней комнате.

– Ты знаешь, что такое реклама?

Он говорит гадкие вещи, он хочет шокировать. Глаза Дельфи расширяются, маленький подбородок вздергивается. Джо – в экстазе от того, какое сложное выражение удается проецировать Ф. Берке. Мистер Кэнтл ждет.

– Это, ну, когда они раньше говорили людям, покупать вещи, – она сглатывает. – Это не разрешается.

– Совершенно верно, – мистер Кэнтл торжественно откидывается назад. – Реклама, какой она была раньше, противозаконна. Показ иного, чем законное, использования продукта, предназначенный для увеличения его продаж. В прошлые времена любой производитель имел право навязывать свои товары любым способом, в любое время и в любом месте, какие мог себе позволить. Все средства массовой информации и большая часть ландшафта были захвачены экстравагантной конкурирующей рекламой. Сама реклама стала неэкономичной. Общество взбунтовалось. С введением так называемого Акта Барышника продавцы были ограничены, цитирую, «показом или самого продукта, увиденного в процессе его установленного законом использования, или в ходе продаж на территории продавца». – Мистер Кэнтл подается вперед. – Теперь скажи мне, Дельфи, почему люди покупают один продукт, а не другой?

– Ну... – очаровательная озадаченность на личике Дельфи. – Они... гм, они его увидели, и им понравилось, или они о нем от кого-нибудь слышали? (Вот здесь прощупывается след Ф. Берке: она не сказала «от друга или друзей».)

– Отчасти. А почему ты купила именно этот телоподъемник?

– У меня никогда не было телоподъемника, сэр.

Мистер Кэнтл хмурится; из каких канав они вытаскивают эти отбросы для Удаленок?

– Хорошо, какой марки воду ты пьешь?

– Просто ту, что течет из крана, сэр, – смиренно отвечает Дельфи. – Я... я, честное слово, пыталась ее кипятить...

– Господи милосердный, – мистер Кэнтл мрачнеет; Тесла цепенеет. – Ладно, как ты ее кипятила? На плитке?

Сияющая желтая головка кивает.

– Какой марки плитку ты купила?

– Я ее не покупала, сэр, – губами Дельфи произносит перепуганная Ф. Берке. – Но... я знаю, какая самая лучшая! У Ананги стоит «Берн-бэби», я видела название, когда она...

– Вот именно! – снова вдруг включается отеческое сияние Кэнтла; счет «Берн-бэби» к тому же довольно крепок. – Ты видела, что ею пользуется Ананга, и потому решила, что она, наверное, хорошая, да? А плитка и вправду хорошая, иначе такой чудесный человек, как Ананга, не стал бы ею пользоваться. Совершенно верно. А теперь, Дельфи, знаешь, что ты будешь делать для нас? Ты будешь показывать определенные продукты. Как по-твоему, звучит не слишком сложно?

– О, нет, сэр... – недоуменный детский взгляд; Джо злорадствует.

– И ты никогда, никогда не должна никому рассказывать, что ты делаешь, – глаза Кэнтла впиваются в мозг за этим соблазнительным ребенком. – Разумеется, ты спрашиваешь себя, почему мы просим тебя это делать. На то есть очень серьезная причина. Все товары и продукты, какими пользуются люди: еда, и медикаменты, и плитки, и пылесосы, и одежда, и машины – все это кто-то производит. Кто-то вложил годы тяжелого труда в их разработку и изготовление. Скажем, человек придумывает, как совершенно новым способом улучшить продукт. Он обзаводится фабрикой и станками и нанимает рабочих. Так вот. Что если у людей нет никакого способа узнать о его продукте? Молва слишком медленна и ненадежна. Может, никто и никогда не наткнется на этот его новый продукт и не узнает, насколько он хорош? А тогда он и те, кто работал на него, все они разорятся, верно? Так вот, Дельфи, должен же быть какой-то способ сделать так, чтобы большое число людей смогли взглянуть на хороший новый продукт, а? Как? Дать им увидеть, как ты им пользуешься. Ты даешь шанс этому человеку.

Хорошенькая головка Дельфи кивает со счастливым облегчением.

– Да, сэр, теперь я понимаю... но, сэр, это кажется таким разумным, почему они не позволяют...

Кэнтл печально улыбается.

– Переборщили, моя дорогая. История – как маятник. Люди реагируют излишне резко и принимают жестокие нереалистичные законы, которые пытаются растоптать жизненно важный социальный процесс. Когда такое происходит, люди знающие должны по мере сил продолжать делать свое дело, покуда маятник не качнется назад, – он вздыхает. – Законы Барышника – дурные, нечеловеческие законы, Дельфи, несмотря на все свои благие намерения. Если бы их в точности соблюдали, они бы посеяли смуту. Наша экономика, наше общество были бы безжалостно уничтожены. Мы вернулись бы назад, в пещеры!

Тут прорывается его внутренний огонь: применяйся

буквально указанные Законы Барышника, он вернулся бы к набиванию банка данных.

– Это наша обязанность, Дельфи. Наш священный долг перед обществом. Мы не нарушаем закон. Ты будешь использовать продукт. Но люди нас не поймут, узнай они об этом. Они расстроятся точно также, как и ты поначалу. Так что ты должна быть очень, очень осторожной и не упоминать никому ничего из сегодняшнего разговора.

(А кто-то будет очень, очень острожным и станет тщательно отслеживать речевые цепи Дельфи.)

– Ну, теперь мы все выяснили? Наша маленькая Дельфи вот здесь... – он обращается к невидимому существу за дверью. – Наша маленькая Дельфи будет вести захватывающую жизнь. Она станет девушкой, на которую все смотрят. И она станет использовать такие чудные продукты, что люди будут только счастливы, что о них узнали, и тем самым Дельфи поможет тем, кто эти продукты производит. Ты внесешь поистине весомый вклад в общество. – Он добавляет после паузы: – Существо в темноте, наверное, старше этой куклы.

Дельфи переваривает все это с восхитительной серьезностью.

– Но сэр, откуда я...

– Ни о чем не беспокойся. За тобой будут люди, работа которых – подбирать для тебя самые достойные продукты, а твоя работа – в том, чтобы делать, как они говорят. Они покажут тебе, какие наряды надевать на вечеринки, какие солнцемобили или видики покупать и так далее. Вот и все, что тебе придется делать.

Вечеринки – наряды – солнцемобили! Розовый ротик Дельфи открывается. В изголодавшемся семнадцатилетнем мозгу Ф. Берке этика спонсорства продукта уплывает далеко-далеко.

– А теперь скажи мне собственными словами, в чем заключается твоя работа, Дельфи.

– Да, сэр. Я... Я должна ходить на вечеринки и покупать разные вещи и пользоваться ими, как мне скажут, и помогать тем, кто работает на фабриках.

– Ты забыла самое главное...

– О... Я никому не должна давать знать... ну, о вещах.

– Верно! Повезло той девушке, которая может веселиться вволю и при этом делать людям добро, а? – он озаряет собравшихся улыбкой. Немедленно следует движение стульев. Несомненно, все прошло удачно.

Джо, усмехаясь, выводит Дельфи: бедная дурочка думает, они восхищаются ее координацией движений.

Настало время Дельфи выйти в мир, и на этом этапе задействуют ходы наверх, и... Со стороны администрации –

открываются реестры счетов, активируются субпроекты. Со стороны техподдержки – открывают допуск к зарезервированной частоте передач (модем-поле, помнишь?). А Дельфи ждет новое имя, имя, которое она никогда не услышит. Это длинная цепочка бинарного кода, которая спокойно крутилась себе в базе данных ВКК с тех самых пор, как однажды уснул и не проснулся некий Расчудесный Человек.

Мигнув, имя-код исчезает из цикла обращений, протанцовывает из импульсов в модуляции модуляций, со свистом проносится через фазирование и врывается в гигачастотный луч, устремленный к спутнику на синхронной орбите над Гватемалой. А оттуда луч изливается двадцать тысяч миль назад на землю, образуя всепроникающее поле структурированных энергетических потоков, обеспечивающее информацией точки съема по всему квадранту АмерКан.

С этим полем, если ты кредитоспособен, можно, сидя за ВКК-консолью, управлять настроенным на твою частоту экстрактором руды. Или если у тебя есть какие-нибудь простенькие полномочия – вроде умения ходить по воде, можешь закинуть свой эпизод в сетевое голошоу, идущее день и ночь в каждом доме, на каждом стадионе или курорте. Или можешь создать уличную пробку на весь континент. Есть еще вопросы, почему ВКК как святая святых охраняет эти коды доступа?

«Имя» Дельфи появляется как крохотная анализируемая неделимость в общем потоке, и она бы очень гордилась, узнай об этом. Ф. Берке это показалось бы магией чистой воды: Ф. Берке так и не поняла, как работают робокары. Но Дельфи – ни в коем смысле не робот. Зовите ее уолдо, анимированной куклой, если уж вам так неймется. Факт в том, что она просто девушка, живая девушка с мозгами не на своем месте. Несложная он-лайн система с большой скоростью передачи данных в реальном времени, точно такая же, как ты или вон он.

Смысл всего этого железа (и не так уж его и много по меркам этого общества будущего) в том, что Дельфи может выйти из подземных апартаментов – подвижная точка съема информации, стягивающая данные из вездесущего модем-поля. И она так и делает, восемьдесят девять фунтов нежной девичьей плоти и крови с несколькими металлическими компонентами выходят на солнечный свет, чтобы их отвезли в новую жизнь. Выходит девушка, у которой все есть, включая собственную свиту медтехов. Девушка делает несколько очаровательных шажков, останавливаясь, чтобы умилительно расширить от удивления глаза на нагромождение огромных антенн над головой.

Та мелкая деталь, что нечто по имени Ф. Берке осталось под

землей, не имеет ровным счетом никакого значения. Ф. Берке совершенно не сознает себя и счастлива, как моллюск в раковине. (Ее постель уже перевезли в комнату со шкафом кукловода.) И Ф. Берке – вовсе не в шкафу; Ф. Берке сходит с аэробуса на легендарном ранчо, заповеднике в Колорадо, и зовут ее Дельфи. Дельфи глядит на живых волов вымершей породы шаролэ и самые настоящие хлопок и тополя, золотые на фоне синего тумана, и шагает по живой траве, отвечает на приветствия жены управляющего ранчо.

Жена управляющего давным-давно ждет приезда Дельфи и ее друзей, и по счастливой случайности здесь же съемочная группа голозаписи, снимающая ролик для любителей природы.

Теперь сам можешь дописать сценарий, пока Дельфи заучивает несколько правил структурной интерференции и о том, как обращаться с небольшим отставанием по времени, возникающим вследствие нового, в сорок тысяч миль парентезиса ее нервной системы. Совершенно верно, ребята с арендованным голообрудованием, разумеется, считают, что тени золотых тополей гораздо лучше смотрятся на бедре Дельфи, чем на воле. А личико Дельфи улучшает и горы, – когда их видно. Но любители природы почему-то не так рады, как ожидалось.

– Увидимся в Барселоне, котенок, – кисло говорит старший по группе, когда они пакуются.

– В Барселоне? – эхом отзывается Дельфи с такой очаровательной (совсем крохотной) задержкой в подсознании. Она видит, где лежит его рука, и отступает на шаг назад.

– Остынь, она тут не при чем, – устало говорит другой и отбрасывает со лба волосы с проседью.

Дельфи смотрит им вслед, когда они уходят грузить бобины с записью для отправки на обработку в ВКК. Ее рука блуждает по груди, которой коснулся мужчина. В подземельях под Карбондейлом Ф. Берке узнала кое-что новое о своем Дельфи-теле.

О различиях между Дельфи и собственной мрачной тушкой.

Она всегда знала, что у Дельфи почти нет чувства запаха или вкуса. Это ей объяснили: частоты вещания не хватает. Тебе же не нужно пробовать на вкус солнцемобиль, а? И слабая чувствительность кожи – с этим Дельфи тоже знакома. Ткани, от которых зудела бы даже собственная шкура Ф. Берке, кажутся Дельфи прохладной пластиковой пленкой.

Но пустые места... Ей понадобилось время, чтобы их заметить. У Дельфи нет ни уединения, ни мелких тайн: у капиталовложений ее размаха их не бывает. Но она не торопится распознать, что есть некие определенные места, где

распластанное тело Ф. Берке чувствует что-то, чего не испытывает грациозная плоть Дельфи. Гм-м-м! Опять проходимость канала, думает она – и забывает об этом на фоне чистейшего блаженства быть Дельфи.

Ты спросишь, как девчонка может о таком позабыть? Да ладно тебе: Ф. Берке до представления о том, что такое девушка, дальше, чем до Луны. Да, она – женского пола, но для нее секс – это слово из четырех букв, которое пишется, как Б-О-Л-Ь. Она не совсем девственница. Подробностей тебе не захочется; ей было лет двенадцать, а охотники до уродов наширялись до слепоты. Когда же они прозрели, то выбросили ее с маленьким отверстием в анатомии и смертельным в другом месте. Она потащилась купить первый и последний в своей жизни укол, и до сих пор у нее в ушах стоит циничный гогот продавца.

Теперь понятно, почему Дельфи усмехается, потягивается всем своим изящным и бесчувственным тельцем на солнце, которое едва чувствует? Лучится улыбкой, говорит: «Пожалуйста, теперь я готова».

К чему готова? К Барселоне, как и сказал кислолицый, к городу, в котором его любовь к природе теперь расцветает в любительском отделении Фестиваля. Высший класс! И как он и сказал, еще полно хищнически выработанных шахт, и дохлую рыбу едва отскребли, но кому какое дело, если милое личико Дельфи видно отовсюду?

Так что настало время личику Дельфи и другим ее прелестям показаться на барселонской Плайя Неува. А это значит, ее переключат на канал синхроспутника квадранта ЕвроАф.

Перевозят ее ночью, так, чтобы наносекундная переброска даже не была замечена той незначительной частью Дельфи, которая живет в пятистах футах под Карбондейлом и так возбуждена, что няне приходится следить за тем, чтобы она ела. Каналы переключают, пока Дельфи «спит» – иными словами, когда Ф. Берке нет в кукло-шкафу. Когда Ф. Берке подключается в следующий раз, чтобы открыть глаза Дельфи, никакой разницы восприятия, – а ты что, замечаешь, через какое реле тебя соединяют по телефону?

Теперь переходим к событию, которое превратит куклу в ПРИНЦЕССУ.

В буквальном смысле. Он – принц, или точнее инфант старинного испанского рода, который начистили под неомонархию. К тому же ему восемьдесят один год и у него страсть к птицам: тем, каких видишь в зоопарке. А теперь вдруг оказывается, что он не так уж и беден. Совсем наоборот; и его старшая сестра хохочет в лицо адвокату по налогам и начинает

реставрировать фамильную гасиенду, в то время как инфант пытается ухаживать за Дельфи. И маленькая Дельфи начинает жить жизнью богов.

Что делают боги? Ну, все красивое. Но (помнишь мистера Кэнтла?) главное здесь – Вещи. Ты когда-нибудь видел бога с пустыми руками? Нельзя быть богом, как минимум, без волшебного пояса или восьминогого коня. Но в старые времена богу на жизнь хватало и каменных таблиц, крылатых сандалий или колесницы с запряженными в нее девственницами. То время прошло! Боги теперь следят за модой. Ко времени Дельфи охота за новым бого-обмундированием выворачивает сушу и море наизнанку и тянет отчаянные рученки к звездам. А что имеют боги, того желают смертные.

Так что Дельфи начинает с вакханалии покупок в супермаркете «Евро» с инфантом в роли верного оруженосца и тем самым оттягивает крах общества.

Крах чего? Ты разве не понял, что к чему, когда мистер Кэнтл вещал о мире, где запрещена реклама и пятнадцать миллиардов потребителей, не отрываясь, смотрят свои голошоу? Один капризный самостоятельный бог – и все, тебе конец.

Возьмем бойню носовых фильтров. Годами промышленность потела над созданием крохотного, почти невидного энзимного фильтра. И вот однажды парочка поп-божков объявляются на публике с носовыми фильтрами в виде огромных пурпурных летучих мышей. К концу недели весь рынок с воплем требует пурпурных летучих мышей. А потом переключается на птичьи головы и черепа, но к тому времени, когда промышленность перестроилась, эти сумасброды уже бросили птичьи головы и ввели в моду впрыскиваемые под кожу капсулы. Кровь!

Помножь это на миллион потребительских продуктов и поймешь, почему экономике необходимо хотя бы несколько подконтрольных товаров. Особенно, если учесть, какой ломоть вещательного пространства Департамент мирного урегулирования отдал под научные исследования и конструкторские разработки, а налогоплательщики только рады сбыть его с рук какому-нибудь учреждению вроде ВКК, о котором все знают: это все равно что общественный фонд.

А потому ты – или, скорее, ВКК – находишь существо, вроде Ф. Берке, и даешь ей Дельфи. А Дельфи помогает держать все тип-топ и в должном порядке, она же делает то, что ты ей говоришь. Почему? Вот именно – мистер Кэнтл ведь так и не закончил свою речь.

Но приходит пора тестирования, и курносый носик Дельфи начинает мелькать в бурном потоке новостей и развлечений. И ее

заметили. Обратная связь показывает, что зрительское стадо прибавляет звук, когда эта детка из глубинки опутывает себя новыми коллоидными побрякушками. Она также блистает на двух-трех серьезных клубных вечеринках, а когда инфант дарит ей солнцемобиль… Малютка Дельфи, пробующая солнцемобили – это просто горячие пирожки! И устойчивая реакция в странах с высоким уровнем кредита. Мистер Кэнтл бормочет себе под нос счастливый мотивчик, вычеркивая опцион подсети Бенилюкса выпустить Дельфи в качестве гостя кулинарного ню-шоу под названием «Труд Венеры».

А на очереди – сверхроскошная свадьба! В гасиенде – мавританские бани, и шестифутовые серебряные канделябры, и настоящие гнедые лошади, и молодых благословляет испанский Ватикан. А завершающее событие – великолепный бал с престарелым принцем и его маленькой инфантой на балконе под балдахином. Она, любо-дорого поглядеть, – просто куколка в серебряных кружевах – без оглядки пускает игрушечных голубок в своих новых друзей, кружащихся в танце внизу.

Принц сияет улыбкой, морщит острый носик на аромат ее сладкого нежного возбуждения. Доктор очень помог, весьма. Разумеется, теперь, после того как он был так терпелив со всеми этими солнцемобилями и прочей ерундой…

Дитя поднимает на него взор, говоря что-то нечленораздельное о «Дыхании». Он догадывается, что она жалуется на трио певцов, которых сама же умоляла пригласить.

– Они изменились! – удивляется она. – Ну разве они не изменились? Они просто ужасающие. Теперь я так счастлива!

И Дельфи падает в обморок на готический варгуеньо.

Подбегает американская дуэнья, зовет на помощь. Глаза Дельфи открыты, но Дельфи тут нет. Дуэнья бьет Дельфи по щекам. Старый принц гримасничает. Он понятия не имеет, что она такое, – помимо распрекрасного решения его проблем с налогами, – но в молодости он охотился с соколами. На ум ему приходят мелкие птахи с подрезанными крыльями, которых подбрасывают к небу, чтобы подстегнуть охотничьих птиц. И он удаляется проектировать новый вольер для птиц.

И Дельфи тоже удаляется. Только в сопровождении своей свиты и на недавно обнаружившуюся у инфанта яхту. Неприятности. Но не серьезные. На расстоянии каких-то пяти тысяч миль и пятьсот футов под землей Ф. Берке слишком хорошо работает.

То, что она потрясающе способная, они всегда знали. Джо никогда не видел, чтобы Удаленка так легко захватывала тело. Никакой потери ориентации, никакого отторжения. Психомедик

говорит о синдроме самоотчуждения: Ф. Берке ныряет в Дельфи, как лосось в море.

Она не спит и не ест, ее не могут оттащить от кукло-шкафа хотя бы настолько, чтобы разогнать ей кровь, и под ее гадким седалищем уже развился некроз. Кризис!

Так что Дельфи дают хорошенько «выспаться» на яхте, а в перфорированную голову Ф. Берке вдалбливают: она подвергает опасности Дельфи. (Это придумала няня Флеминг, что послужило началом ее вражды с психомедиком.)

Под землей оборудуют бассейн (снова няня Флеминг) и гоняют по нему взад-вперед Ф. Берке. И ей это нравится. Так что, естественно, когда ее снова подключают, Дельфи тоже нравится плавать. Каждый день пополудни крошка Дельфи плещется у подводных крыльев яхты в синем море, из которого ее увещевали не пить. И каждую ночь на другой стороне земного шарика деформированное существо в темной берлоге наматывает круги по стерильному бассейну.

Но вот яхта ловит ветер и уносит Дельфи к программе, расписанной мистером Кэнтлом. Охват у нее широкий: Дельфи расписана, по крайней мере, на два десятилетия жизни продуктов. Фаза Один требует, чтобы она сошлась со стайкой молодых сверхбогачей, которые шумно курсируют между Бриони и Джаккартой, где они переходят под крыло конкурента под названием PEV.

Фабула такова: Дельфи отправляется в плавание, чтобы принять от имени своего принца редких птиц, – но кому до этого дело? А дело в том, что район Гаити уже больше не радиоактивен и глядите-ка! – боги уже там. А также новые курорты Счастливых Западных Кариб, те острова, что могут себе позволить ставки ВКК, на деле два из них – дочерние компании ВКК.

Но помилуй, только не забери себе в голову, что все эти достойные упоминания в новостях люди – напичканные электродами роботы.

Много их и не нужно, если правильно их разместить. Дельфи спрашивает об этом Джо, когда тот приезжает в Баранквиллу, чтобы обследовать и протестировать ее. (Собственный рот Ф. Берке давно уже мало что произносит.)

– А много таких, как я?

– Таких, как ты, кнопка, никого. Послушай, ты еще ловишь свист с поясов Ван Аллена?[02]

– Ты имеешь в виду, как Дэйви? Он тоже Удаленка? (Дэйви – паренек, который помогает ей ловить птиц. Искренний рыжеволосый мальчишка, которому нужно побольше внимания публики.)

– Дэйви? Он один из ребят Мэтта, какая-то там работа психомедиков. У них частотных каналов нет.

– А как насчет настоящих? Джамы ван О, или Али, или Джима Тена?

– Джама родилась с кучкой базовых чипов ВКК там, где полагается быть мозгам, от нее – сплошные проблемы. Джими делает то, что говорит его астролог. Послушай, человечек, с чего это тебе взбрело в голову, будто ты не настоящая? Ты – самая что ни на есть подлинная. Разве тебе не весело?

– О Джо! – маленькими ручками она обнимает и его, и координационные сетки его анализаторов. – О, мэ густо мучо, мучиссимо!

– Ну, ну, – он поглаживает желтую головку, сворачивая анализатор.

В трех тысячах миль к северу и в пятистах футах под землей забытый остов в кукло-шкафу оживляется.

Ну разве она не веселится! Проснуться от кошмара Ф. Берке и обнаружить себя пери, девочкой-звездой? На яхте в раю, где и делать-то нечего, кроме как украшать себя, и играть в игрушки, и ходить на вечеринки, и приветствовать своих друзей – у нее, Ф. Берке, есть друзья! – и поворачиваться, как скажут, перед голокамерами? Веселье!

И это видно. Один взгляд на Дельфи, и зрители знают: МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ.

Поглядите, как она мчится на заднем сиденье водного мотоцикла Дейви, держа серебряный обруч с близким к апоплексическому удару попугаем ара. Ах, Мортон, давай поедем туда зимой! А вот она разучивает японскую чинчону у актеров трупы кобэ, а платье на ней – такое, как будто пламя из сопла реактивного двигателя рвется вверх от колена. Такое нарасхват пойдет в Техасе. Мортон, это, правда, огонь? Счастливая, счастливая маленькая девочка!

И Дэйви. Он ее любимец и ее малыш, и ей нравится ерошить его золотисто-рыжие волосы. (Ф. Берке восхищенно пропускает блестящие кудри меж пальцами Дельфи.) Конечно. Дэйви – один из мальчиков Мэтта: не то чтобы импотент, но с очень слабым либидо. Они с Дельфи прекрасно подходят друг другу, на деле психомедик даже позволяет Дельфи брать его с собой в постель – два котенка в одной корзинке. Дэйви не против, что Дельфи «спит» как убитая – это Ф. Берке покидает кукло-шкаф в Карбондейле, чтобы справить свои собственные унылые нужды.

И вот что странно. Большую часть своей «ночи» Дельфи – просто слабо пощелкивающий соблазнительный маленький «овощ», ждущий, когда вступит Ф. Берке. Но время от времени

Дельфи сама по себе слегка улыбается или шевелится в своем «сне». Однажды она даже выдохнула: «Да».

Под Карбондейлом Ф. Берке ничего не знает. Она тоже спит, ей снится Дельфи, что же еще? Но если бы кудлатый доктор Тесла услышал этот одинокий слог, его лохмы стали бы белыми, как снег. Потому что Дельфи ОТКЛЮЧЕНА.

Он не знает. Дэйви слишком туп, чтобы заметить, а начальника охраны Дельфи, Хопкинса, нет в тот момент у монитора.

И у всех теперь и без того забот хватает, поскольку платье «холодный огонь» разошлось полумиллионом штук, и не только в Техасе. Компьютеры ВКК уже знают. Когда они соотносят это с незначительным спросом на попугаев ара на Аляске, к проблеме подключается верхний эшелон: Дельфи – это что-то особенное.

Вот это уже проблема, понимаешь ли, потому что Дельфи нацелена на ограниченную категорию потребителей. А теперь выясняется, что у нее есть масс-поп потенциал – попугаи ара в Фэрбенксе, мужик! – это как пытаться стрелять в мышей из противоракетных установок. Совсем другая игра. Доктор Тесла и отеческий мистер Кэнтл начинают вращаться в штаб-квартире и по-приятельски обедать вместе, когда им удается сбежать от проныры с седьмого уровня, этого хорька, который держит в страхе обоих.

В конце концов, решено переправить Дельфи в принадлежащий ВКК анклав голозаписи и попытаться задействовать ее в какой-нибудь из мыльных опер. (И неважно, с чего это инфанта решила вдруг стать актрисой.) Комплекс голозаписи расположился в давно уже выдолбленных горах, там, где когда-то пользовалась преимуществами чистого воздуха обсерватория. Дающие полный охват камеры голозаписи очень дороги и, с точки зрения электроники, сверхстабильны. Внутри актеры могут свободно двигаться, не боясь выпасть из регистра, и вся сцена или избранная ее часть будет показана в домах зрителя в полной трехмерке, настолько реальной, что можно заглянуть актеру в нос, и изображение с них гораздо плотнее, чем то, что идет с передвижных установок.

Анклав похож на... Ну, возьми все, что знаешь о Голливуде-Бербенксе, и выбрось все свои знания на помойку. А Дельфи уже снижается над аккуратными с виду сооружениями, похожими на ферму по разведению грибов: грибными шляпками здесь вспухают разных размеров купола вплоть до монстров для съемок больших матчей и всего такого. Здесь все организовано. Идея, что искусство расцветает на ниве творчества, давно уже пущена на дно доказательствами того, что если искусство в чем и нуждается,

так это в компьютере. А у шоу-бизнеса будущего есть то, о чем и не мечталось телевидению и Голливуду, – автоматическая встроенная обратная связь со зрителем. Пробные просмотры, рейтинги, критики, опросы? Забудь об этом. При частотном модем-поле можно в реальном времени снимать отклик-сенсорные показания любого принимающего устройства в стране; и все, как на блюдечке – на консоль. Все началось с приманки: дадим публике возможность больше влиять на содержание.

Да.

Попробуй сам, мужик. Ты – за консолью. Отсей аудиторию, как тебе надо: пол/возраст/образование/этническая принадлежность и так далее – и начинай, не промахнешься. Когда обратная связь теплеет, выдай им еще такого же. Тепло – теплее – горячо! Попал в яблочко – тайный зуд под их шкурами, мечта их сердец. Тебе не нужно знать, как это называется. Держа руку на контроле входа, глазами считывая показатели отклика, ты можешь превратить их в богов... или кто-нибудь проделает то же с тобой.

Но Дельфи, проходя через порты размагничивания и реле поля и бросая первый свой взгляд на внутренности этих камер, видит только радуги. Следующими ей на глаза попадаются надвигающиеся на нее команды визажистов и техников и отсчитывающие повсюду миллисекунды таймеры. С тропическим бездельем покончено. Она теперь – в гигадолларовом мейнстриме, у раззявленной воронки неиссякаемого шланга, гонящего звук и изображение, плоть и кровь, всхлипы и смех, и сны о реальности в счастливую голову всего света. Крошку Дельфи раздадут по дешевке в миллиард домов в лучшее эфирное время и ничего не оставят на волю случая. Работа!

И опять Дельфи оказывается способной. Разумеется, это на самом деле Ф. Берке где-то там под Карбондейлом проделывает все, что нужно, но кто вспомнит об этом остове? Уж конечно, не сама Ф. Берке: она и слова не произнесла собственными губами за последние месяцы. Дельфи даже не помнит просыпаясь, что видела ее во сне.

Что до самой мыльной оперы, не бери в голову. Сериал идет так давно, что никто уже не разберет, какой у него сюжет. Пробный эпизод Дельфи связан с вдовой и потерей памяти брата ее умершего мужа.

Паника разражается, когда эпизод Дельфи проскакивает по мировому шлангу и начинают поступать первые отклики. Ты угадал, конечно. Сенсационно! Как ты бы сказал, они ИДЕНТИФИЦИРУЮТ СЕБЯ.

На самом деле в отчете значится что-то вроде «ПодкожПер» с

серией процентов, означающих, что Дельфи заклинивает на себе не только всех и каждого с У-хромосомой, но и женщин, и всех, кто между ними. Это – сладчайший сверхъестественный джек-пот, один на миллион.

Помнишь, была такая Харолу? Секс-штучка, никто не спорит. Но откуда озлобленные домохозяйки в Гари и Мемфисе знают, что эта соблазнительная богиня с белыми волосами и сумасшедшими бровями – их дочурка? И пишут Джейн любящие письма, предупреждая, что их дорогие мужья недостаточно хороши для нее? Почему? Аналитики ВКК тоже не знают, но они представляют, что делать, когда такое случается.

(А в своем птичьем убежище старый инфант замечает это без помощи компьютеров и задумчиво глядит на свою невесту во вдовьем трауре. Возможно, чувствует он, неплохо было бы ускорить завершение его ученых трудов.)

Возбуждение достигает и берлоги под Карбондейлом, где Ф. Берке подвергают двум медицинским обследованиям в неделю и где заменяют хронически воспаленный электрод. Няня Флеминг получает ассистентку, которая занята не столько уходом, сколько интересуется дверями доступа и идентификационными наклейками.

А в Чили крошка Дельфи получает повышение в виде нового дома среди резиденций звезд и личный микроавтобус, который по воздуху носит ее на работу. Для Хопкинса – новый компьютерный терминал, и хорек с седьмого уровня занимается только графиком Дельфи и ничем больше. А чем же забит график?

Вещами.

И тут начинаются неприятности. Ты, наверное, тоже увидел их приближение.

– Что она о себе возомнила, что она, черт побери, представитель потребителей? – отеческий лик мистера Кэнтла в Карбондейле перекашивается.

– Девочка расстроена, – упрямо отвечает мисс Флеминг. – Она верит в ваши сказки о том, что будет помогать людям, демонстрируя хорошие новые продукты.

– Это действительно хорошие продукты, – автоматически бросает мистер Кэнтл, но гнев его уже под контролем.

– Она говорит, что от пластика у нее появилась сыпь, а от светящихся таблеток кружится голова.

– Господи милосердный, она не должна их глотать, – возбужденно вставляет доктор Тесла.

– Вы ей сказали, что она будет их использовать, – настаивает мисс Флеминг.

Мистер Кэнтл напряженно соображает, как подать эту

проблему юнцу с лицом проныры. Что там было? Курица, которая несет золотые яйца?

Что бы ни сказали на седьмом уровне, в Чили виновные продукты исчезают, а в матрице Дельфи в базе данных ВКК появляется новый символ, который обозначает приблизительно Балансовое Сопротивление по Индексу. А это, в свою очередь, значит, что жалобы Дельфи будут терпеть и учитывать до тех пор, пока Поп-Отклик на нее остается выше определенной отметки. (Что случится, если отклик упадет ниже, нас не волнует.)

Вон она под шипящими лазерами в камере голозаписи, подготовленной для съемок несчастного случая на ленте тротуара.

– Мне кажется, этот телоподъемник не безопасен, – говорит Дельфи. – Он оставляет на теле такие смешные синие следы. Гляньте, мистер Виэр.

Она изворачивается, чтобы показать эксперту по акупунктуре, где крепится пакет минигравитации, дающий столь восхитительное ощущение невесомости.

– Так не держи его включенным, Ди. С твоим телом... Осторожно, лентопротяжка... начинается синхронизация.

– Но если я не буду его носить, это будет нечестно. Ему нужен еще один слой изоляции или еще что-то, разве вы не понимаете?

– Я обязательно им скажу, – бормочет мистер Виэр. – А теперь слушай, когда ты делаешь шаг назад, нагнись вот так, чтобы его было видно, понимаешь? И держи так до счета два.

Дельфи послушно поворачивается, и сквозь дымку ее взгляд наталкивается на пару незнакомых темных глаз. Она щурится. Довольно молодой человек стоит в одиночестве, очевидно, ждет своей очереди занять камеру голозаписи.

Дельфи к тому времени привыкла, что молодые люди смотрят на нее с самыми разными и странными выражениями лиц, но она не привыкла к тому, что видит здесь. Ее будто ударяет током – эти серьезные глаза что-то знают. Тайны.

– Глаза! Глаза, Ди!

Она механически движется сквозь рутину съемок, украдкой бросая взгляды на незнакомца. Он смотрит в упор. Он что-то знает. Освободившись, она застенчиво подходит к нему.

– Ходишь по краю, котенок, – голос сверху холодный, а внутри – жар.

– Что вы имеете в виду?

– Охаиваешь продукт? Помереть хочешь?

– Но это неправильно, – объясняет она. – Они просто не знают, а я знаю. Я его носила.

Его невозмутимость поколеблена.

– Ты не в своем уме.

– О, они поймут, что я права, когда проверят, – снова объясняет она. – Просто они очень заняты. Когда я им скажу...

Он смотрит в милое лицо-цветок. Его рот открывается, закрывается:

– Что ты вообще делаешь в этой клоаке? Кто ты?

– Дельфи, – ошарашено отвечает она.

– Пресвятой Дзен!

– В чем дело? Пожалуйста, скажите, кто вы?

Но надвигается ее свита, уводит ее, кивая незнакомцу.

– Простите, что задержались, мистер Ах-ах, – говорит сценаристка.

Он что-то бормочет. Но слова теряются в шуме, когда конвой поторапливает ее к засыпанному цветами микроавтобусу.

(Слышишь, как заводится со щелчком невидимое зажигание?)

– Кто это был? – спрашивает Дельфи у парикмахера. Парикмахер, работая, приседает, мерно сгибая и распрямляя колени.

– Пол. Ишем. Третий, – отзывается он и кладет расческу в рот.

– Кто это? Не понимаю.

Он что-то бормочет с расческой в зубах, имея в виду: «Шутишь?». Потому что здесь, посреди анклава корпорации ВКК, такой вопрос может быть только шуткой.

На следующий день взгляд Дельфи упирается в мрачное, затененное тюрбаном полотенца лицо, когда она и паралитик сериала отправляются в гидромассажный бассейн.

Она смотрит.

Он смотрит.

И на следующий день тоже.

Бедный старый Ишем-старший. Нельзя не пожалеть человека, который так ценит порядок: когда он зачинает детенышей, генетическая информация, как ни крути, передается древним обезьяньим путем. Вот перед тобой счастливый карапуз с резиновым утенком, а не успеешь оглянуться, это уже огромный здоровый незнакомец, чужак с неясными эмоциями, который к тому же якшается Бог знает с кем.

А молодой Пол Ишем – тот еще фрукт. Он все схватывает на лету и умеет выражать свои мысли, и душа у него нежная. Он жаждет деятельности и вместе с друзьями задыхается от возмущения, глядя на тот мир, какой создали их отцы. Пол без труда вычислил, что дом его отца – множество особняков, и что даже компьютеры ВКК не в состоянии соотнести все со всем. Он

выкапывает приходящий в упадок проект, в общем и целом сводящийся к чему-то вроде Спонсирования Маргинального Творчества (команда вольных стрелков, «открывшая» Дельфи, работала по такому же гранту). А через него, как выясняется, предприимчивый юнец по фамилии Ишем может урвать внушительный ломоть мощностей студий голозаписи ВКК.

И вот он со своей небольшой бандой здесь, в самой глубине грибофермы, снимает и гонит шоу, которое никакого отношения к Дельфи не имеет. Оно построено на сногсшибательных техниках съемки и выбивающих из колеи искажений, чреватых социальным протестом. Самовыражение андеграунда, если хотите.

Все это, разумеется, небезызвестно его отцу, но пока не привело ни к чему большему, кроме как к углублению тревожной складки на лбу Ишема-старшего.

Пока Пол не состыковывается с Дельфи.

К тому времени, когда папа узнает об этом, невидимые самовоспламеняющиеся вещества уже дают взрыв, и во все стороны несутся энергоснаряды. Потому что Пол, понимаешь ли, это настоящее. Он видит сны и мечтает. Он даже читает – к примеру, «Зеленые особняки»[03]. И он плакал навзрыд, когда негодяи сжигали Риму заживо.

Услышав, что в мыльных операх ВКК блистает какая-то новая киска, он фыркнул и забыл. Он занят. Он никогда не связывал ее имя с маленькой девочкой и ее идиотским обреченным протестом в камере голозаписи. Эта странно наивная маленькая девочка.

И она подходит и смотрит на него, и он видит Риму, потерянную Риму, заколдованную девушку-птицу, и его не прошитое проводами человеческое сердце заходится и звенит.

А Рима оказывается Дельфи.

Тебе нужна карта? Гневная озадаченность. Отрицание диссонанса: Рима – проститутка, а в роли сутенера – ВКК-Мой-Папочка. Бред, быть того не может. Шатание у бассейна, чтобы убедиться в мошенничестве… темные глаза бьют в голубые, обмен обрывочными фразами в странной пустоте… ужасающая трансформация образа: Рима-Дельфи в щупальцах моего отца.

Нет, карта тут не нужна.

И для Дельфи тоже, потому что это девушка, которая любит своих богов. Теперь она уже видела вблизи их божественную плоть, слышала, как их неискаженные усилителями голоса окликают ее по имени. Она играла в их игры, носила их гирлянды. Она даже сама стала богиней, хотя не верит в это. Не думайте, она не растеряла иллюзий. Она все еще полна любви. Просто какая-то сумасшедшая надежда не…

По правде говоря, все это можно опустить, когда маленькая девочка встречает Мужчину на дороге из желтого кирпича. Настоящего живого мужчину, сжигаемого гневным состраданием и благородно обеспокоенного человеческой справедливостью, который протягивает к ней настоящие мужские руки и – ба-бах! Она всем сердцем отвечает на его любовь.

Хэппи-энд, не так ли?

За одним исключением.

За исключением того, что на самом деле это Ф. Берке за пять тысяч миль любит Пола. Монстр Ф. Берке в подземной темнице, пахнущий смазкой для электродов. Карикатура на женщину, сжигаемая, одержимая настоящей любовью. Стремящаяся на расстоянии дважды двадцати тысяч миль безжалостного вакуума дотянуться до любимого через девичью плоть, немую под невидимой пленкой. Чувствуя, как руки обнимают тело, которое он считает ее, пробиваясь сквозь тени, чтобы отдать себя ему. Пытаясь почувствовать его запах и вкус красивыми мертвыми ноздрями, любить его в ответ телом, которое мертвеет посреди огня.

Понял, каково Ф. Берке?

Она проходит через несколько стадий. Муки сперва. И стыд. СТЫД. Я не то, что ты любишь. Еще более яростные терзания. И осознание, что нет, нет выхода. Никакого. Никогда. Никогда... Несколько запоздало она сообразила, что сделка, которую она заключила, это навсегда? Ф. Берке стоило бы обратить внимание на сказки о смертных, закончивших свои дни кузнечиками.

Исход очевиден – все эти муки вылились в единое идиотское протоплазменное стремление слиться с Дельфи. Отбросить ужас, закрыться от зверя, к которому она прикована. Стать Дельфи.

Конечно, это невозможно.

И все же ее терзания сказываются и на Поле. Дельфи-как-Рима достаточно сильный магнит любви, а освобождение разума Дельфи требует многих часов приносящих глубокое удовлетворение разъяснений того, насколько все прогнило. Добавь сюда поклоняющееся его плоти тело Дельфи, сжигаемое огнем неукрощенного сердца Ф. Берке. Есть вопросы, почему Пол запал?

И это еще не все.

К тому времени они каждую свободную минуту проводят вместе, и некоторые из этих минут не такие уж свободные.

– Мистер Ищем, не будете ли вы так добры не вмешиваться в этот эпизод на спортплощадке? По сценарию, здесь место Дэйви.

(Дэйви все еще здесь, близость к Дельфи пошла ему на пользу.)

– Какая разница? – зевает Пол. – Это всего лишь реклама. Я ее не блокирую.

Шокированная тишина на это слово в семь букв. Девушка из сценарного храбро сглатывает:

– Прошу прощения, сэр, но у нас указания сделать этот эпизод в точности так, как расписано в сценарии. Нам придется переснимать части, отснятые на прошлой неделе, мистер Хопкинс мной очень недоволен.

– Да кто такой, черт побери, этот Хопкинс? Где он?

– Ну, пожалуйста, Пол. Пожалуйста.

Пол снимает руки с плеч Дельфи, небрежно фланирует в тень. Бригада операторов нервно проверяет углы съемки. У тех, что в зале заседаний ВКК, фобия на появление в эфире их самих, их родных или слуг. Всю съемочную группу прошиб холодный пот, когда запись с Ишемом-младшим в эпизоде «набери код обеда» едва не ушла на спутниковый луч.

Дальше хуже. Пол не питает никакого почтения к священным расписаниям, над которыми теперь дни напролет корпит в штаб-квартире хорек с седьмого уровня. Пол забывает привезти Дельфи назад вовремя, и у бедного Хопкинса ум заходит за разум.

Так что вскоре в дата-шаре появляется иконка с грифом «срочно», требующим личного вмешательства мистера Ишема-старшего. Поначалу штаб-квартира ступает мягко.

– Сегодня я не могу, Пол.

– Почему?

– Говорят, я должна, это очень важно.

Он гладит золотой пушок на узкой спинке. Под Карбондейлом, Пенсильвания, слепая женщина-крот обмирает от наслаждения.

– Важно. Им важно. Захапать побольше денег. Разве ты не понимаешь? Для них ты только вещь, на которой зарабатывают деньги. Толкачка. Ты им дашь себя поиметь, Ди? Дашь?

– О, Пол...

Он того не знает, но перед ним диковина: Удаленки не смонтированы на потоки слез.

– Просто скажи, нет, Ди. Нет. Достоинство. Ты должна.

– Но они говорят, это моя работа...

– Ты не хочешь поверить, что я могу позаботиться о тебе, Ди. Девочка, ты позволяешь им рвать нас на части. Тебе надо выбрать. Скажи им «нет».

– Пол... я... я скажу...

И она говорит. Храбрая маленькая Дельфи (безумная Ф. Берке) говорит:

– Нет, пожалуйста, я обещала Полу.

Они пытаются снова. Все еще мягко.

– Пол, мистер Хопкинс привел мне причину, почему они не хотят, чтобы мы так много времени проводили вместе. Все дело в твоем отце.

Может, она думает, что его отец похож на мистера Кэнтла.

– Ах вот как, чудненько. Хопкинс. С ним я разберусь. Послушай, я не могу сейчас думать о Хопкинсе. Кен сегодня вернулся, он кое-что узнал.

Они лежат на высокогорном лугу в Андах, наблюдая за тем, как его друзья пикируют на своих поющих воздушных змеях.

– Ты не поверишь, у полицейских на побережье в головах электроды.

Пол даже не замечает, как она цепенеет в его объятиях.

– Да уж. Странно. Я думал, ПП-импланты вживляют только преступникам или в армии. Разве ты не видишь, Ди, наверняка что-то происходит. Какое-то движение. Может, кто-то строит организацию. Но как нам это узнать? – он бьет кулаком по земле. – Нам нужны контакты! Если бы мы только могли узнать.

– Ты о тех... новостях? – рассеяно спрашивает она.

– Новости, – он смеется. – В новостях нет ничего, кроме того, что они хотят, чтобы люди знали. Полстраны может сгореть, и никто ничего не узнает, если они того не захотят. Ди, разве до тебя не доходят мои слова? Это же тотальный контроль над вещанием! Они зомбировали всех и каждого, чтобы люди думали то, что им показывают, хотели того, что им дают, и дают то, что сами же запрограммировали хотеть. Замкнутый круг – ни вломиться, ни вырваться. И ни одной зацепки. Думаю, у них и плана никакого нет, кроме как поддерживать вращение этой карусели. И Бог знает, что происходит с людьми, или с Землей, или, скажем, с другими планетами. Единый гигантский водоворот мусора и лжи, в котором все кружатся и кружатся и ничто никогда не изменится. Если мир не проснется вскоре, с нами покончено!

Он мягко хлопает ее по животу.

– Тебе надо вырваться, Ди.

– Я пытаюсь, Пол, я вырвусь...

– Ты моя. Тебя им не получить.

И он отправляется на встречу с Хопкинсом, который и вправду запуган.

Но той же ночью мистер Кэнтл отправляется на встречу с Ф. Берке под Карбондейлом.

Ф. Берке? На топчане в дешевом халате, будто мертвый верблюд в палатке, она сперва не может осознать, что это от нее он требует расстаться с Полом. Ф. Берке никогда Пола не видела.

Дельфи встречается с Полом. Факт в том, что Ф. Берке уже не помнит, что существует отдельно от Дельфи.

Мистер Кэнтл тоже едва в это верит, но прилагает усилия.

Он указывает на безнадежность, на потенциальное унижение для Пола. И получает в ответ тупой взгляд туши на топчане. Тогда он заводит речь о ее долге по отношению к ВКК, ее работе, разве она не благодарна за возможность и т.д. Он весьма убедителен. Заплесневелый рот Ф. Берке открывается, каркает:

– Нет.

Ничто больше, похоже, из него не извергнется.

Мистер Кэнтл не туп, он распознает непоколебимое препятствие, когда на него натыкается. Он также знает необоримую силу: ВКК. Самое простое решение – закрыть куклошкаф и не открывать его до тех пор, пока Пол не устанет ждать, когда проснется Дельфи. Но затраты, график! И есть здесь что-то странное... Он рассматривает имущество корпорации, горбящееся на кровати, и его покалывает шестое чувство.

Понимаешь ли, Удаленки любить – не умеют. У них и пола, собственно-то, нет, конструкторы исключили это на начальном этапе. И потому логично было предположить, что это Пол забавляет себя или что-то в том маленьком тельце в Чили. Ф. Берке может делать лишь то, что естественно для любого куска биомассы. Никому и в голову не приходило: они могут иметь дело с настоящим homo sapiens, чья тень несется из каждого голошоу на земле.

Любовь?

Мистер Кэнтл хмурится. Сплошной гротеск. Но инстинкт не дает ему покоя; он порекомендует проявить гибкость.

А потому в Чили:

– Дорогой, сегодня мне не нужно работать! И в пятницу тоже, не так ли, мистер Хопкинс?

– Хм, великолепно. Так когда светлый миг досрочного освобождения?

– Будьте разумны, мистер Ишем. У нас – график. И, уж конечно, в вас нуждается ваша собственная производственная группа.

Как это ни странно, так оно и есть. Пол уходит. Хопкинс глядит ему вслед, с отвращением спрашивая себя, с чего это Ишему понадобилось трахать куклу. Хопкинсу не пришло в голову, что потомок Ишемов может и не знать, что такое Дельфи.

Особенно если учесть, что Дэйви плачет, потому что Пол вышиб его из постели Дельфи.

Постель Дельфи под настоящим окном.

– Звезды, – сонно говорит Пол. Он перекатывается, тянет за

собой Дельфи так, что она оказывается на нем. – Ты сознаешь, что это одно из последних мест на земле, откуда людям видны звезды. Еще Тибет, может быть.

– Пол...

– Спи. Я хочу посмотреть, как ты спишь.

– Пол. Я сплю так крепко, я хочу сказать, это давняя шутка, как трудно меня разбудить. Ты против?

– Да.

Но, наконец, со страхом она отпускает реальность – чтобы за пять тысяч миль к северу безумное изможденное существо могло выползти и, заглотав концентраты, упасть на свой топчан. Но ненадолго. Розовый рассвет, когда Дельфи открывает глаза, чтобы обнаружить, что она в объятиях Пола, который нашептывает ей грубые нежные вещи. Ему так и не пришлось заснуть. Ее Дельфи-тело, эта безнервная маленькая статуя, зарылось в него среди ночи.

Расцветает сумасшедшая надежда и получает пищу две ночи спустя, когда Пол говорит, что во сне она звала его по имени.

И в тот день руки Пола не пускают ее к работе, и Хопкинс с воем доносит в штаб-квартиру, где остролицый хорек рвет и мечет, перетасовывая график Дельфи. На сей раз мистер Кэнтл все улаживает. Но это случается снова – с крупным клиентом. А у хорька свои связи в техническом отделе.

Так вот понимаешь, когда речь идет о поле комплексных модуляций гетеродинированных частот, и это поле фиксировано на точку съема, вроде Дельфи, возникает масса мелких зазоров, и откатов, и всевозможных помех, и даже трений. В нормальных условиях все это без труда выправляет и балансирует технология будущего. Лишнее доказательство того, что есть множество способов легким толчком нарушить этот баланс, и обратная связь ударит по Удаленке, оператору куклы, с прямо-таки удивительным результатом.

– Милая... Какого черта! В чем дело? ДЕЛЬФИ!

Беспомощный визг, конвульсии. И вот Рима-птица лежит у него на руках, мокрая и обмякшая, и зрачки у нее невероятно расширены.

– Я... не предполагалось... – слабо всхлипывает она. – Мне сказали, что не...

– О, мой Бог... Дельфи.

И его жесткие сильные пальцы зарываются в густую желтую гриву ее волос. Сведущие в электронике пальцы. Они застывают.

– Ты – кукла. Ты – одна из них. ПП-импланты. Они тебя контролируют. Мне следовало бы знать. О Боже, следовало бы знать!

– Нет, Пол, – рыдает она. – Нет, нет, нет...

– Да будь они прокляты! Прокляты за то, что они сотворили – ты это не ты....

Он встряхивает ее. Он сгорбился на постели и мотает ее из стороны в сторону, гневно глядя на жалкую красоту.

– Нет! – молит она (это неправда, тот черный кошмар под землей). – Я Дельфи.

– Мой отец. Свиньи, грязь... Черт бы их побрал. Черт бы их побрал, черт бы их побрал!

– Нет, нет, – лепечет она. – Они хорошо со мной обращались... – хватает ртом воздух Ф. Берке. – Они были добры ко мне... А-АХ-А-А-А-АХ!

Ее пронзает новая агония. В штаб-квартире на севере смышленый молодой человек хочет удостовериться, что его крошечное вмешательство делает свое. Пол едва в силах удержать ее, он тоже плачет.

– Я убью их.

Его Дельфи – рабыня на проводах! Шипы в ее мозгу, электронные кандалы в сердце его птицы. Помните, когда эти варвары сожгли Риму заживо?

Он еще повторяет это потом, но она не слышит. Она уверена, что теперь он ее ненавидит, и все, чего она хочет, это умереть. Когда она осознает, что неистовство – это нежность, она думает, что свершилось чудо. Он знает – и он все равно любит!

Откуда ей знать, что он не так понял.

Не стоит винить Пола. Отдайте ему должное, он даже слышал об имплантах, контролирующих центры удовольствия и боли, имплантах, о которых по вполне понятным причинам редко упоминают те, кто ближе всех с ними знаком. Вот, о чем он думает, обнимая Дельфи: ею управляют искусственные импульсы в центры удовольствия/боли. И послушайте только, как он клеймит этих неизвестных операторов.

О телах-куклах и Удаленках, вроде Ф. Берке, ему ничего неизвестно.

Так что, когда он глядит на свою оскверненную птицу и его подташнивает от ярости и любви, ему и в голову не приходит, что обнимает он не все. Нужна тебе карта, чтобы распознать безумную решимость, густеющую в его мозгу?

Освободить Дельфи.

Как? Ну, в конце концов, он ведь Пол Ишем Третий. И даже имеет представление о том, где находятся нейролаборатории корпорации ВКК. В Карбондейле.

Но сперва надо позаботиться о Дельфи и о собственной шкуре. Так что он возвращает ее Хопкинсу и удаляется сдержанно

и незаметно. И группа голозаписи сериала благодарна и не понимает того, что в его улыбке обычно намного меньше зубов.

Проходит неделя, и все это время Дельфи – очень хороший, послушный маленький призрак. Они позволяют ей получать охапки полевых цветов, которые посылает Пол, и ласковые любовные записки. (Он тут ловчит.) А в штаб-квартире хорек чувствует, что его фортуна продвинулась еще на зубчик вперед, и запускает наверх слушок, что он, дескать, мастер улаживать мелкие проблемы.

И никтошеньки не знает, что там себе думает Ф. Берке, только няня Флеминг застает ее за опусканием еды в унитаз, а на следующую ночь Ф. Берке теряет сознание в бассейне. Ее вытаскивают и нашпиговывают иглами внутривенного вливания. Мисс Флеминг встревожена, она уже видела такие симптомы. Но ее не было там, у границы леса, когда безумцы, звавшие себя Последователями Рыбы, глядели сквозь пламя на вечную жизнь. А Ф. Берке... она тоже видит небеса по ту сторону смерти. Небеса читаются П-о-л, но смысл – один и тот же. Я умру и возрожусь в Дельфи.

Мусор, говоря жаргоном технарей. Не выйдет!

Еще неделя, и из бешенства Пола вырастает план. (Вспомни, у него есть друзья.) Он кипит от ненависти, видя, как хозяева выставляют напоказ его любовь. Он выдает убийственный эпизод для собственного шоу. И наконец, очень вежливо просит у Хопкинса кроху свободного времени своей птахи, каковое в должное время наступает.

– Я думала, я тебе больше не нужна, – все повторяет она, пока они облетают гору в солнцемобиле Пола. – Теперь я знаю...

– Погляди на меня!

Он зажимает ей рот рукой и показывает картонку с печатными буквами:

НЕ ГОВОРИ. ОНИ СЛЫШАТ ВСЕ, ЧТО МЫ ПРОИЗНОСИМ.

Я ВСЕ РАВНО ТЕБЯ УВЕЗУ.

Она целует его руку, он настоятельно кивает.

НЕ БОЙСЯ. Я МОГУ ОСТАНОВИТЬ БОЛЬ, ЕСЛИ ОНИ ПОПЫТАЮТСЯ СДЕЛАТЬ ТЕБЕ БОЛЬНО.

Свободной рукой он вытряхивает серебристую сетку-скрэмблер на автономном питании. Дельфи ошарашена.

ЭТО ОТРЕЖЕТ СИГНАЛЫ И ЗАЩИТИТ ТЕБЯ, ЛЮБИМАЯ.

Широко открыв глаза, она смотрит на него, голова ее слегка покачивается из стороны в сторону: «нет».

– Да! – победно усмехается он. – Да!

На мгновение она усомнилась. Эта электрическая сетка наверняка отрежет поле. Но она также отрежет Дельфи. Но это же

Пол. Ее целует Пол, она в силах только жадно искать его губы, когда он ведет солнцемобиль через каньон.

Впереди – старая пусковая катапульта реактивных самолетов и серебрянная пуля, готовая взлететь. (У Пола есть также репутация и Имя.) Маленький реактивный курьер ВКК спроектирован для одной только скорости. Пол и Дельфи втискиваются в узкое пространство за дополнительным баком с горючим. И никаких разговоров до тех пор, пока не начинают выть турбины.

Они воют высоко над Киото прежде, чем Хопкинс начинает волноваться. Еще час он теряет на то, чтобы проследить сигнал биппера на солнцемобиле Пола. Солнцемобиль держит курс в открытый океан. К тому времени, когда они убеждаются, что он пуст, и Хопкинс прыгает на аварийный рейс, беглецы уже превратились в не имеющий источника вой у Западных Кариб.

Доносят хорьку в штаб-квартире. Хорек решает было повторить свой прошлый фокус, но тут у него начинают работать мозги. Все это слишком уж пахнет жареным. Потому что если, в конечном итоге, Ф. Берке можно заставить делать все, что угодно, разве что жить ее не заставишь, внезапные, ни с того ни с сего ЧП – слишком рискованны. А тут еще Пол Ишем Третий.

– А приказать ей вернуться нельзя?

Они все сгрудились у кибер-консоли в диспетчерской наверху башни ВКК: мистер Кэнтл, и хорек, и Джо, и очень аккуратненький человечек (личные глаза и уши мистера Ишема-старшего).

– Нет, сэр, – угрюмо отвечает Джо. – Мы можем считать каналы, в особенности канал речи, но не можем предсказать модель поведения. Чтобы послать сигнал напрямую, нужен удаленный оператор...

– Что они говорят?

– В данный момент ничего, сэр, – глаза кибер-ковбоя за консолью закрыты. – Я думаю, они... э... обнимаются.

– Они не отвечают, – вклинивается диспетчер. – Все еще движутся курсом ноль-ноль-три-ноль – на север, сэр.

– Вы уверены, что в Кеннеди предупреждены, чтобы не открывать по ним огонь? – озабоченно спрашивает аккуратный человечек.

– Да, сэр.

– А нельзя ее просто выключить? – сердится остролицый хорек. – Выдернуть эту свинью из контроля?

– Если полностью оборвать трансмиссию, это убьет Удаленку, – в третий раз объясняет Джо. – Вывод должен проходить через рассчитанные стадии. Необходим постепенный

переход на собственную самонастраивающуюся систему Удаленки. Сердце, дыхание, мозжечок могут дать сбой. Выдернув Ф. Берке, мы, скорее всего, прикончим ее на месте. Это просто потрясающая киберсистема, зачем ее уничтожать?

– Вложения, – мистера Кэнтла передергивает. Хорек кладет руку на плечо ковбоя за консолью, это тот самый контакт, который помог ему с запретным сигналом в прошлый раз.

– Во всяком случае, мы можем послать им предупреждающий сигнал, сэр, – он облизывает губы, одаряет аккуратного человечка сладкой улыбкой хорька-проныры. – Мы же знаем, вреда от этого не будет.

Джо хмурится. Мистер Кэнтл вздыхает. Аккуратный человечек говорит что-то себе в запястье. Он поднимает взгляд.

– Я уполномочен э… направить сигнал. Если других альтернатив нет. Но минимальный, минимальный.

Хорек сжимает плечо своего человека.

Пол чувствует, как Дельфи выгибается у него в руках. Он тянется за сеткой, ему не терпится действовать. Она мечется, отталкивает его руки, глаза у нее закатываются. Несмотря на агонию, она боится этой сетки. (И она права.) В отчаянии Пол борется с ней в тесном пространстве, натягивает ей сетку на голову. Когда он включает батарею, она зарывается ему под руку и прочь от сетки, и спазм утихает.

– Они снова вас вызывают, мистер Ишем! – орет пилот.

– Не отвечайте. Милая, держи это у себя на голове, черт побери, как мне…

Над носом самолета проносится «ЭХ90». Вспышка.

– Мистер Ишем, это самолеты военно-воздушных сил!

– Забудь! – кричит в ответ Пол. – Они не станут стрелять. Дорогая, не бойся.

Их встряхивает еще один «ЭХ90».

– Не будете ли вы так добры приставить пистолет к моей голове, так, чтобы они это видели? – взывает пилот.

Пол так и делает. «ЭХ90» выстраиваются вокруг них в эскорт-строй. Пилот возвращается к прежним мыслям (он пытается сообразить, как бы содрать денег и с ВКК тоже), и после Глодсборо воздушный эскорт отрывается.

– Идут прежним курсом, – рапортует диспетчер группе у консоли. – Очевидно, у них с собой достаточно топлива, чтобы долететь до башни-порта.

– В таком случае остается только ждать, когда они приземлятся, – мистер Кэнтл слегка оживляется.

– Но почему нельзя просто отрубить поддержку жизнеобеспечения этого чуда-юда? – кипятится смышленый

хорек. – Это же курам на смех!

– Над этим работают, – заверяет его мистер Кэнтл. Если в подземелье под Карбондейлом что и делают, так это спорят. Ассистентка (читай сторожевая собака) мисс Флеминг вызвала в комнату с кукло-шкафом кудлатого.

– Мисс Флеминг, вы будете слушаться приказов.

– Вы ее убьете, если попытаетесь проделать это, сэр. Я не могла поверить, что вы это имеете в виду, сэр, поэтому и не сделала. Мы уже вкачали ей достаточно седативных препаратов, чтобы это дало реакцию на сердце; если еще перекрыть ей доступ кислорода, она там умрет.

Кудлатого перекашивает.

– Доктора Квина сюда, быстро.

Они ждут, уставясь на шкаф, в котором одурманенная препаратами безобразная сумасшедшая борется за то, чтобы не потерять сознание, чтобы не закрылись глаза Дельфи.

В небе над Ричмондом серебряная гондола начинает поворот. Дельфи обмякла в объятиях Пола, ее взгляд медленно поднимается к его глазам.

– Уже спускаемся, детка. Скоро все будет кончено. Все, что от тебя требуется – это остаться в живых, Ди.

– ...остаться в живых...

Их засек диспетчер.

– Сэр! Они свернули на Карбондейл, – контакт с диспетчерской башней.

– Поехали.

Но созванная штаб-квартирой группа не успела перехватить курьера, с воем влетающего в Карбондейл. И вновь пособили друзья Пола. Беглецы успевают проскочить через грузовой док и в административный шлюз нейролаборатории прежде, чем охрана соображает, что к чему. У лифтов лицо Пола плюс его пушка позволяют им прорваться в подземный комплекс.

– Мне нужен доктор – как его зовут, Ди? Ди!

– ...Тесла...

Ее шатает.

– Доктор Тесла. Отведите нас к доктору Тесле. Быстро.

Повсюду квакают интеркомы, а они несутся вниз и вниз. Пистолет Пола упирается в спину охранника. Когда отодвигается дверь, перед ним – кудлатый.

– Я Тесла.

– Я Пол Ишем. Ишем. Сейчас вы вытащите свои сволочные импланты из этой девушки. Я сказал, сейчас. Шевелитесь!

– Что?

– Вы меня слышали. Где операционная? Давайте!

– Но…

– Шевелитесь! Или мне прожечь кого-нибудь?

Пол машет пушкой в сторону только что появившегося доктора Квина.

– Нет, нет, – спешит возразить Тесла. – Я, знаете ли, не могу. Это невозможно, ничего ведь не останется.

– Все вы, черт побери, можете. Только напортачьте, и я вас прикончу, – с готовностью говорит Пол. – Где это? Здесь? И сотрите ту дрянь, которая у нее сейчас в схеме.

Он гонит их (и они отступают задом наперед) по коридору, Дельфи мертвым грузом висит у него на руке.

– Это то место, детка? Где над тобой издевались?

– Да, – шепчет она, моргая на дверь. – Да…

Потому что, понимаешь ли, так оно и есть. За дверью, те самые апартаменты, где она родилась.

Пол загоняет всех в двери и в расположенный за ними сияющий зал. Открывается внутренняя дверь, и оттуда выбегают нянечка, а за ней седой. И застывают как вкопанные.

Полу чудится что-то особенное в этой двери. Отогнав всех подальше, он толкает ее и заглядывает внутрь.

Внутри – огромный зловещего вида шкаф-камера, панели его передней стенки слегка приоткрыты.

А внутри шкафа – испорченная тушка, с которой происходит нечто чудесное, нечто невыразимое. Внутри – Ф. Берке, настоящая живая женщина, которая знает, что ОН здесь, ОН приближается, Пол, дотянуться до которого она стремилась сквозь сорок тысяч миль льда – ПОЛ здесь! Настоящая женщина рвет на себя двери кукло-шкафа…

Дверная панель отрывается, и монстр встает.

– Пол, милый! – скрипит голос любви, и руки любви тянутся к нему.

И он отвечает…

А что бы ты ответил, когда на тебя надвигается исхудалый с обвисшей кожей, проросший проводами и залитый кровью голем и тянет к тебе одетые в металл пальцы-когти?

– Не подходи! – Пол пинает провода.

В общем и целом неважно, какие именно провода, – у Ф. Берке, так сказать, вся нервная система вывернута наружу. Представь себе, что кто-то зажал в кулак твой спинной мозг и за него дернул…

В конвульсиях она обрушивается на пол у его ног, и из ротового отверстия рвется рев: ПОЛ-ПОЛ-ПОЛ.

Сомнительно, что он узнает свое имя или видит, как жизнь вытекает из ее глаз. Во всяком случае, течет она не к нему. Глаза

находят Дельфи, теряющую сознание в дверном проеме, и умирают.

Теперь, конечно, Дельфи тоже мертва.

В полнейшем безмолвии Пол делает шаг назад от этого... нечто, которое лежит у его ног.

– Вы ее убили, – говорит Тесла. – Это и была она.

– Ваш паразит, – Пол в ярости, сама мысль об этом монстре, присосавшемся к мозгу маленькой Дельфи, вызывает у него тошноту. Он видит, как его птаха оседает, словно тряпичная кукла, и протягивает к ней руки. Не зная, что она мертва.

И Дельфи идет к нему.

Одна нога за другой. Не слишком хорошо двигается, но двигается. Ее милое лицо поднимается. Пола отвлекает ужасная тишина, и, опуская глаза, он видит лишь ее стройную шейку.

– А теперь вы извлечете импланты, – предупреждающе рычит он. Никто не двигается с места.

– Но она мертва, – дико шепчет мисс Флеминг.

Пол чувствует, как под его ладонью бьется жизнь Дельфи, – они говорят о своем монстре. Он направляет пушку на седого:

– Вы! Если на счет «три» мы не окажемся в операционной, я отрежу лазером ногу этому типу.

– Мистер Ишем, – в отчаянии выплевывает Тесла, – вы только что убили человека, анимировавшего тело, которое вы зовете Дельфи. Сама по себе Дельфи мертва. Если вы уберете руку, то сами убедитесь в том, что я говорю правду.

Тон доходит. Медленно Пол разжимает руку, смотрит вниз.

– Дельфи?

Она неверно переступает с ноги на ногу, покачивается, остается стоять. Лицо ее медленно поднимается.

– Пол... – голосок слабый-слабый.

– Лжецы поганые, – рявкает Пол. – Шевелитесь.

– Поглядите на ее глаза, – хрипит доктор Квин. Глядят все. Один из зрачков Дельфи полностью заполняет радужку, губы ее неестественно извиваются.

– Это шок. – Пол рывком притягивает девушку к себе. – Приведите ее в порядок! – кричит он, целясь в Теслу.

– Во имя Господа... – голос Теслы дрожит. – Несите это в лабораторию.

– Гудбай-бай, – внятно произносит Дельфи.

Все гурьбой бросаются бежать по коридору, – Дельфи на руках у Пола, – и натыкаются на людскую волну.

Прибыла штаб-квартира.

Джо хватает одного взгляда, и он бросается к кукло-комнате, едва не натыкаясь на пушку Пола.

– О нет, только не это!

Все кричат. Маленькое существо у него на руках шевелится, говорит жалобно:

– Я Дельфи.

И сквозь весь этот шум, взмывающую тарабарщину и напыщенные слова она держится. Призрак Ф. Берке, или что там еще, бормочет безумно:

– Пол… Пол… Пожалуйста, я Дельфи… Пол?

– Я здесь, милая, я здесь.

Он обнимает ее на кровати няни. Тесла говорит, говорит, говорит, но никто его не слышит.

– Пол… не сплю… – шепчет голос призрака. Пол в агонии, он не принимает, он отказывается верить.

Тесла, не выдержав, сбегает.

А потом, ближе к полуночи, Дельфи скрипит что-то вроде неровного «эг-эг-эг…» и с неприятным шлепком, будто плюхнулся тюлень, сползает на пол.

Пол кричит. Потом снова «эг-эг»-скрип и снова конвульсии отвратительного распада, пока наконец к двум утра от Дельфи остается всего лишь небольшой теплый холмик, куль вегетативных функций, прицепленных к какому-то количеству дорогого «железа», которое питало и поддерживало ее до того, как началась ее жизнь. Джо наконец уговорил Пола подпустить его к кукло-шкафу.

Пол остается подле нее достаточно долго, чтобы увидеть, как лицо ее меняется до ужаса инородным и холодно убедительным образом, а потом, спотыкаясь, идет сквозь группу людей из офиса Теслы.

За его спиной Джо трудится в поте лица, пытаясь реинтегрировать изумительные комплексы кровообращения, дыхания, эндокринов, разум-мозг гомеостаза и моделированных потоков частиц, составляющие человеческое существо. Но это – как спасать оркестр, брошенный посреди фуги. И Джо еще немного плачет; он – единственный, кто действительно искренне любил Ф. Берке. Ф. Берке, теперь мертвая груда на столе, была величайшей кибер-системой, какую он знал, и он ее никогда не забудет.

Собственно говоря, конец.

Любопытно, что дальше?

Ну, разумеется, Дельфи живет и теперь. На следующий же год она снова катается на яхте, принимает соболезнования в связи с трагическим нервным срывом. Но в Чили – уже другая киска, потому что несмотря на то, что новый оператор Дельфи вполне компетентна, по две Ф. Берке за раз не бывает – за что ВКК в

должной мере благодарна.

Настоящий гвоздь в сапоге, разумеется, Пол. Он ведь был молод, понимаешь. Сражался с абстрактной несправедливостью. Теперь же жизнь запустила в него когти, и он проходит через инстинктивное бешенство и горе и обрастает здравой мудростью и решительностью. И настолько успешно, что стоит ли удивляться, обнаружив его некоторое время спустя – где?

В зале заседаний ВКК, дурилка. Использует преимущества рождения для радикализации системы. Если хотите «подрывная деятельность изнутри».

Вот как он это описал, и его друзья были более чем согласны. Теплое чувство уверенности пробуждается в них оттого, что они знают: Пол там, наверху. Иногда, кто-нибудь из них, кто еще не сошел со сцены, сталкивается с ним и слышит радостное «Привет!».

А остролицый хорек?

О, он тоже мужает. Он быстро учится, уж поверь мне. К примеру, он первый, кто узнал, что безвестная исследовательская группа ВКК и впрямь добилась каких-то результатов со своим безумным темпоральным аномализатором. Что да – то да: у него нет образования физика, и достал он слишком уж многих. Но об этом он и не узнает до того дня, когда кое-кто во время тестового прогона не укажет в то место, где он стоит, воронкой аномализатора – и он не проснется лежа щекой на газете с заголовком НИКСОН ОБНАРОДУЕТ ВТОРУЮ ФАЗУ.

Какое счастье, что он быстро учится.

Поверь мне, зомби. Когда я говорю развитие, я имею в виду развитие. Признание роли капитала. Можешь перестать потеть. Перед нами – великое будущее.

notes

01

Игра слов на основе имени Ивел Нивел (Evel Knievel). Знаменитый в начале 70-х годов в США мотоциклист гонщик, известный сорви-голова, которому приписывают попытку «перелететь» через Снейк-ривер-каньон на мотоцикле с реактивным двигателем. Evel (англ.) – злой, страшный.

02

Пояса Ван Аллена – радиоактивные пояса Земли, названные в честь открывшего их американского астрофизика Джеймса Ван Аллена.

03

«Зеленые особняки» – самый известный роман Уильяма Генри Хьюстона (1841 – 1922); герой романа Авель влюбляется в свободную и независимую Риму «из зеленых особняков», иными словами, не испорченного людьми леса. Рима великолепно имитирует пение птиц и сама способна исчезать, как птица. Местные жители, уверенные в том, что Рима наложила заклятие на лес, боятся войти в него. Лес и сама Рима погибают в результате фанатизма и жадности людей.